

Конференция по случаю открытия тематического года
в германо-российском молодежном обмене

70-летие окончания Второй мировой войны
Молодежный обмен – взаимопонимание – совместное будущее

Москва, 4 – 8 июня 2015 г.

Открытие конференции, 5 июня 2015 г. в Центральном музее Великой Отечественной
Войны

Память о Второй мировой войне и национал-социалистическом
господстве насилия в объединенной Германии

Размышления о постгероической культуре памяти и связанных с ней вызовах

Биргит Швеллинг

Около четырех недель назад во многих странах мира отмечали 70-летие окончания Второй мировой войны. Тот факт, что об этом событии вспоминают по всему миру, объясняется тем, что Вторая мировая война была глобальной войной, которая велась на большей территории и с большим применением военной силы, чем любая из предшествующих войн в истории. И хотя существуют различия между памятными церемониями в разных странах, можно найти значительное количество схожих форм и ритуалов, посвященных памяти этого события. Во многих странах наряду с жертвами войны в центре внимания находятся и герои, принесшие освобождение; нередко на улицах и на праздничных парадах царит расслабленная и радостная атмосфера, и у людей даже спустя семьдесят лет после окончания национал-социалистического господства, распространявшегося на значительной части Европы, есть все основания праздновать освобождение от этого преступного режима.

Однако память о завершении Второй мировой войны в Германии принципиально отличается от других стран. В первую очередь, это связано с тем, что разжигателями этой войны стали немцы, точнее, национал-социалистический режим; что общее количество жертв этой войны достигло 50 миллионов человек и что война завершилась полным поражением и безоговорочной капитуляцией вермахта. Кроме того, немцы *не сами* освободили себя от национал-социалистического режима. Председатель Бундестага Норберт Ламмерт, выступая в Бундестаге на мероприятии памяти окончания Второй мировой войны, в этом году справедливо указал на то, что «падение, пережитое немцами, не могло бы быть более низким – как с политической, так и с экономической и моральной точки зрения».¹

¹ Приветственное слово Председателя Бундестага Ламмерта по случаю памятного мероприятия, посвященного 70-летию окончания Второй мировой войны, 8 мая 2015 г.
<http://www.bundestag.de/bundestag/praesidium/reden/2015/004/373854>

Я подчеркиваю этот исходный момент, поскольку только осознание этой предпосылки позволяет понять, почему память о Второй мировой войне в Германии отличается от всех других стран, почитающих и поминающих это событие. Пример Японии показывает, что само событие окончания войны еще не объясняет, почему культура памяти в Германии в результате длительного, сложного, иногда болезненно медленного процесса с сопутствующими бесконечными конфликтами достигла наконец того положения, которое мы наблюдаем и на которое мы, вероятно, даже можем повлиять сегодня, в семидесятую годовщину окончания Второй мировой войны. Сегодня мы наблюдаем постгероическую культуру памяти, в центре внимания которой находится память жертв национал-социалистического насильственного режима, которая самокритична в своем подходе и которая принимает вину Германии и берет на себя связанную с этим ответственность.

В последующие тридцать минут я хотела бы дать вам обзор важнейших тем и признаков постгероической культуры памяти о Второй мировой войне в Германии, а затем, опираясь на избранные центральные моменты, рассказать о связанных с этим вызовах. Я выбрала такой подход, опирающийся на отдельные примеры, так как культура памяти о Второй мировой войне по разным причинам является исключительно сложным феноменом.

Во-первых, сегодня мы рассматриваем семидесятилетний период времени, в который формировались и очерчивались воспоминания о войне и национал-социалистическом господстве; эти воспоминания многократно менялись. Ведь каждая культура памяти также обладает собственной историей. Это означает, что она появляется не сама по себе,

автоматически, а возникает в результате зачастую противоречивых общественно-политических критических дискуссий и подвергается изменениям. Поэтому мы не можем говорить о том, что существует только *одна* или даже *единственная* культура памяти о Второй мировой войне – скорее, наоборот, мы можем выделить различные фазы и перемены в конъюнктуре воспоминаний, и в зависимости от того, какой период мы будем рассматривать, мы столкнемся с различными темами и центральными действующими лицами, мотивами и акцентами памяти.

Во-вторых, сложность этого феномена усугубляется тем, что существующие культуры памяти – в особенности, в плюралистических обществах – никогда не являются монолитными и единообразными явлениями, они состоят из многих разнообразных аспектов. Существует коммуникативная память тех, кто сам пережил Вторую мировую войну и делится своими воспоминаниями с современниками. Это отличает поколение, пережившее войну, от их потомков, которые могут получить доступ к этой информации лишь опосредованно через рассказы очевидцев или отображение событий в медиа, но которые тем не менее вовлечены в процесс воспоминания, пусть и не в такой мере, как те, кто сам пережил Вторую мировую войну. Мы отличаем индивидуальные воспоминания от социальных, хотя обе формы постоянно опираются и взаимно влияют друг на друга. Нам знаком феномен семейных воспоминаний и явление поколенческой памяти, и мы отличаем публичное отображение прошлого, которое идет по различным каналам, к примеру, через фильмы, литературу и выставки, или же путем общественных споров и дискуссий о прошлом, от тех воспоминаний, которые можно отнести к официальной, то есть санкционированной государством памяти. В зависимости от того, на какую форму и какой уровень из этого широкого спектра мы обратим внимание, мы столкнемся с различными сторонами и измерениями культуры памяти.

В третьих, культура памяти о Второй мировой войне в Германии усложняется тем, что, как известно, в период с 1949 по 1989/90 гг. существовало два немецких государства, культуры памяти которых кардинально различались, по крайней мере, в отношении публичных и общественных воспоминаний о Второй мировой войне. Официальные власти в ГДР рассматривали 8 мая как «День освобождения» и в определенный период времени этот день на востоке Германии даже был государственным праздником. Как однажды отменил социолог Райнер Лепсиус, увы, покинувший нас несколько лет назад, режим в ГДР подверг национал-социалистическое прошлое «универсализации» и, таким образом, достиг экстернализации прошлого,² что означает, что вина и ответственность были не приняты, а переложены на ФРГ. Сформировался антифашистский героический нарратив, продолжавшийся до конца существования ГДР. Как однажды не без иронии написал известный писатель и диссидент из ГДР Юрек Бекер, преступления, совершенные национал-социалистами, «были чужими преступлениями. [...] Фашизм не имел никакого отношения к нам, жителям ГДР; волшебным образом нам удалось избавиться от фактов. Фильмы об эпохе нацизма всегда были посвящены антифашистскому сопротивлению, школьные уроки истории никогда не рассказывали о нацизме как о нашей новейшей истории – речь всегда шла о зверствах, совершенных этими ужасными *чужими*, которых мы, антифашисты, победили с определенной поддержкой Красной Армии. Из десяти тысяч антифашистов, по разным данным проживавших в нацистской Германии, восемь миллионов проживало в ГДР».³

² Rainer Lepsius: Das Erbe des Nationalsozialismus und die politische Kultur der Nachfolgestaaten des Großdeutschen Reiches, in: Max Haller et al. (Hrsg.): Verhandlungen des Deutsch-Österreichischen-Schweizerischen Soziologentages, Frankfurt a.M. 1989, S. 247-264.

³ Jurek Becker: Mein Vater, die Deutschen und ich, in: Die Zeit vom 20. Mai 1994, S. 58.

В отличие от ГДР, выражаясь словами Райнера Лепсиуса, в ФРГ прошла «интернализация» вины за совершенные преступления и как результат принятие ответственности. Безусловно, это произошло не по мановению волшебной палочки, а стало результатом длительного, растянувшегося на несколько десятилетий болезненного процесса, потребовавшего значительной поляризации политики, общества и науки с тем, чтобы эта позиция не просто укоренилась в общественном мнении, а стала неотъемлемой частью политической и официальной памяти. Также можно отметить, что эта форма памяти после объединения Германии сменила традицию, существовавшую в ГДР. Важным шагом на пути к более четкому оформлению официального восприятия завершения войны стала речь Федерального президента Рихарда фон Вайцеккера 8 мая 1945 г., в которой он назвал 8 мая «днем освобождения» в том числе и в отношении освобождения немцев,⁴ однако, в отличие от официальной позиции ГДР, он имел в виду не освобождение от «чужих», а освобождение *немцев от самих себя* с помощью союзников. Вайцеккер сказал также, что 8 мая «для нас [является] прежде всего днем памяти о том, какие страдания пришлось испытать людям. Вместе с тем, это день размышления о ходе нашей истории. Чем честнее мы будем с ним обходиться, тем свободнее мы будем в том, чтобы взять на себя ответственность за его последствия».

Тридцать лет спустя мы можем отметить, что сформулированное Вайцеккером требование стало основой существующей культуры памяти в Германии, которую разделяет значительная часть общества. В центре этой постгероической культуры памяти находится память о жертвах национал-социалистического насильственного господства, и распространение этой темы в медиа за последние два десятилетия не

⁴ Федеральный президент Рихард фон Вайцеккер на памятном мероприятии в пленарном зале Германского Бундестага по случаю 40-летия окончания Второй мировой войны в Европе 8 мая 1985 г. в Бонне, http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Richard-von-Weizsaecker/Reden/1985/05/19850508_Reede.html.

пошло на спад, а наоборот, скорее выросло. Кроме того, утвердился самокритичный подход в размышлениях об истории Германии, в рамках которого память о совершенных немцами преступлениях рассматривается как незавершаемый процесс; данный подход исходит из ответственности, выходящей за границы одного поколения. Если кто-то, к примеру, правые экстремистские группировки, нарушает этот широко распространенный консенсус, то на сегодняшний день он позиционирует себя вне границ допустимых общественных высказываний.

Но что конкретно означает постгероическая культура, в центре которой находится память о жертвах национал-социалистического режима и которая проявляет достаточную долю самокритики, принимая вину Германии и связанную с ней ответственность? На этот вопрос можно ответить лучше всего, если внимательно присмотреться к некоторым противоречивым общественно-политическим дебатам о том, как должна развиваться культура памяти о Второй мировой войне. Такие дебаты очень показательны, так как в их рамках публично принимается решение о том, какую память о Второй мировой войне хочет хранить наше общество. В таких дискуссиях речь также постоянно идет о том, чтобы добиться представления о самовосприятии нации и зафиксировать и документировать его в форме памятников или других знаков памяти в общественном пространстве. При этом я уделю особое внимание дебатам, которые велись в период 1990-х и 2000-х годов, то есть, в воссоединенной Германии. В этот период в Германии велась наиболее интенсивная дискуссия о форме и содержании памяти о Второй мировой войне и национал-социалистическом господстве насилия.

Вопрос, проходивший сквозь все дебаты 1990-х и 2000-х годов, касался определения жертв нацизма. Как показывают многие дискуссии, найти

ответ на этот вопрос не так просто, как кажется. В общественном поле не существовало единого мнения, кто относится к жертвам национал-социалистического господства и память каких жертв и в какой форме необходимо почтить в общественном пространстве. Эти вопросы обсуждались в числе прочего в связи с открытием в Берлине 12 мая 2005 г. *Мемориала памяти убитых евреев в Европе*, которому предшествовал пятнадцатилетний процесс обсуждения, планирования и реализации. Сегодня в Германии существует бесчисленное число мемориалов, напоминающих о Холокосте, но памятник, исходной точкой которого стала гражданская инициатива, является центральным местом памяти об убийстве европейских евреев. Это связано не только с впечатляющим размером мемориала и его расположением в самом центре Берлина между Бранденбургскими воротами и Потсдамер Платц, но и с тем фактом, что он был построен по постановлению Бундестага. Памятник построен в абстрактном стиле и состоит из 2.700 бетонных стел различной высоты, организованных по образцу решетки, между которыми можно ходить. Этот мемориал посвящен исключительно евреям, ставшим жертвами нацизма, и этот факт вызвал критику еще в период планирования. Особенно представители других групп жертв нацизма, в том числе, Центральный совет синти и рома, высказывались против своего исключения из круга тех, чью память увековечит мемориал, и требовали включения других групп жертв в круг адресатов памятника. Эта просьба, однако, не была удовлетворена, и сегодня по соседству с мемориалом памяти убитых евреев Европы мы можем увидеть другие памятники, каждый из которых увековечивает память отдельной группы жертв. 27 мая 2008 г. был открыт *Памятник гомосексуалам, подвергшимся преследованиям национал-социализма*, 24 октября 2012 г. за ним последовал *Памятник убитым национал-социалистами синти и рома*, а 2

сентября 2014 г. был открыт *Центр памяти и информации о жертвах этнанашии*.

В таком процессе обсуждения и поиска консенсуса мы отмечаем не только тему иерархизации групп жертв, требующей высокой чуткости при рассмотрении, но и тему конкуренции жертв. Соразмерно ли чтить память разных групп жертв по отдельности или это создает иерархические отношения между отдельными группами? Хотя в последнем примере проблема заключалась в невовлечении отдельных групп, следующий пример дискуссии о памятнике показывает, что и обратный процесс, то есть, *включение* всех групп жертв, также может стать проблемой. Речь идет о мемориале Нойе Вахе, открытом в 1993 г. в его сегодняшней, перестроенной форме, который сегодня является центральным мемориалом памяти «жертв войны и господства насилия». Нойе Вахе – не новое здание, оно было построено между 1816 и 1818 гг. в память павших в наполеоновских войнах и с тех пор не раз перестраивалось. Между 1818 и 1919 гг. здесь находилась королевская караульная, с 1931 г. здание служило памяти павших Первой мировой войны. В ГДР это здание было посвящено памяти «жертв милитаризма и фашизма». В центре сегодняшнего мемориала находится скульптура «Мать с погибшим сыном», которую Кете Кольвитц в малой форме создала еще в 1938 г. Такое оформление мемориала, созданное по предложению бундесканцлера Гельмута Коля, неоднократно подвергалось критике. Особенной критике подверглась надпись «Жертвам войны и господства насилия», так как она воспринимается как слишком общая и не различает жертв, павших *за что-либо* и жертв, павших *от руки кого-либо*, таким образом на одном дыхании упоминая павших немецких солдат и тех, кто был убит национал-социалистами. Этот пример отчетливо показывает, что не только эксклюзивное, но и инклюзивное увековечивание памяти жертв может

стать проблемой. В связи с высказанной критикой в мемориале Нойе Вахе была установлена дополнительная памятная доска, называющая каждую группу жертв отдельно.

Обе показанные здесь дискуссии, то есть, с одной стороны, память каких жертв национал-социалистического господства необходимо почитать в какой форме, а с другой стороны, вопрос о подобающей тематизации немецких жертв войны – то есть, павших солдат, жертв бомбежек, беженцев и лиц, изгнанных с восточных территорий, ранее принадлежащих Германии, продолжают свое существование в обсуждении вопросов памяти вплоть до сегодняшнего дня. Я хотела бы упомянуть лишь два события последнего времени в качестве примера, показывающего, что на вопрос о жертвах пока не было найдено окончательного ответа.

Первое событие: Федеральный президент Йоахим Гаук в этом году, выступая с речью, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны, обратил особое внимание на страдания, причиненные советскому народу, и жертвы среди солдат. В частности, он напомнил о 5,3 млн советских военнопленных, из которых в плену не выжило и половины. Он назвал смерть миллионов солдат Красной Армии в немецком плену «одним из величайших преступлений Второй мировой войны. [...] Миллионы солдат Красной Армии погибли в немецком плену – они умирали от болезней, от голода, их убивали».⁵ При этом для Федерального президента было важно почтить память тех жертв, которые до сегодняшнего дня находились «в тени воспоминаний», которые до сегодняшнего дня не вошли в сознание немецкой общественности

⁵ Федеральный президент Йоахим Гаук на памятном мероприятии, посвященном 70-летию окончания Второй мировой войны, 6 мая 2015 г. в замке Хольте-Штукенброк, <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2015/05/150506-Holte-Stukenbrock.pdf>.

подобающим образом. И можно предположить, что в последующие годы в центре внимания окажутся судьбы и других «забытых жертв».

Во-вторых, недавно вышло в свет историческое исследование, посвященное судьбе женщин, подвергшихся насилию со стороны сил союзников на момент окончания войны.⁶ В этом исследовании историк Мириам Гебхарт показывает, что в конце Второй мировой войны было изнасиловано как минимум 860.000 женщин. Своим исследованием Гебхарт не просто нарушила существовавшее десятилетиями табу; она также показывает, что эти преступления редко карались и что сочувствия по отношению к жертвам не было. Существует много причин тому, что эта печальная тема долгое время считалась табу, прежде всего, причиной является стыд самих женщин, подвергшихся насилию. Но многое говорит о том, что сегодня как с политической, так и с общественной точки зрения все еще очень сложно рассматривать немцев как жертв в контексте войны, так как это связано с опасностью релятивизации преступлений национал-социализма. Но этот пример показывает, что потребность в обсуждении и просвещении имеется также и в отношении жертв с немецкой стороны.

Наряду с вопросом о подобающей памяти о жертвах центральной темой дискуссий о вопросах памяти в 1990-ых и 2000-ых гг. стала тема преступников. Как становится заметно из дискуссий, найти ответ на вопрос о том, кто относится к кругу преступников, тоже не так просто, как кажется. В отличие от Первой мировой войны, ответ на вопрос о вине был найден в 1945 г. Этот вопрос не привел к горячим дискуссиям. Но это еще далеко не означало ясного ответа на вопрос, кто же именно должен нести ответственность за войну и совершенные преступления. Были ли действия немецкого народа исключительно исполнением приказов Гитлера и его

⁶ Miriam Gebhart: Als die Soldaten kamen. Die Vergewaltigung deutscher Frauen am Ende des Zweiten Weltkriegs, München 2015.

приспешников или они совершались по убеждению? Что знали отдельные люди о Холокосте и других преступлениях, совершенных национал-социалистами? В течение долгих лет доминировало представление, о том, что вина в развязывании войны и преступлениях лежит исключительно на Гитлере и узком круге его доверенных лиц в правящей верхушке нацистов. Ответственность элит долгое время тематизировалась крайне мало, равно как и тот восторг, который война в какой-то период вызвала у населения, или же участие вермахта в преступлениях Холокоста. Эта ситуация начала меняться в 90-е годы, когда в 1995 г. Гамбургский институт социальных исследований, независимый исследовательский институт, организовал выставку о преступлениях вермахта, приуроченную к 50-летию окончания Второй мировой войны. Эта выставка, используя фотографии и письма, доказывала вовлечение вермахта в политику уничтожения, проводимую национал-социалистами в Восточной Европе. Исследователи давно были знакомы с этими фактами, но в широкой общественности главенствовал миф о «незапятнанном вермахте». Выставку можно было увидеть во многих городах в течение нескольких лет, число посетителей было огромным. Выставка дала толчок крайне эмоциональной дискуссии, которая не утихала несколько лет. Здесь широкая общественность впервые столкнулась с переломом линии, существовавшей в массовом сознании, по одну сторону которой находился вермахт и 18 миллионов солдат, а по другую сторону – преступления национал-социализма. Преступления, совершенные на восточном фронте, стали преступлениями каждого. Критическое многолетнее обсуждение, вызванное выставкой, шло не только в СМИ, но и вошло в семьи. Даже одно из заседаний Бундестага было посвящено выставке. Сегодня можно констатировать, что эта выставка внесла решающий вклад в разрушение мифа о «незапятнанном вермахте».

Схожий по силе и влиянию общественный резонанс получило исследование «Послушные палачи Гитлера» американского историка Даниэля Голдхагена, увидевшее свет примерно в то же время. Голдхаген выступает с тезисом, что немцы самое позднее с XIX века находились под влиянием «элиминационного антисемитизма», в результате которого евреи рассматривались как лица, заслуживающие ненависть. В политических условиях, созданных национал-социализмом, немцы стали готовы мучить и уничтожать евреев по собственной воле. Здесь речь больше не шла только о солдатах вермахта, напротив, это касалось самых обычных немцев, совершавших преступления. Как и в случае с выставкой, книга Голдхагена вызвала чрезвычайно эмоциональный диспут о том, кого можно относить к преступникам и можно ли говорить о коллективной вине. Подводя итоги, мы можем сказать, что знания, которые были распространены в обществе в результате этих двух дискуссий, были не просто более дифференцированными и полными, но и проливающими свет на более мрачные стороны прошлого.

В завершение мне хотелось бы выделить третий момент, который в меньшей степени связан с дебатами о национал-социалистическом прошлом, а скорее направлен на настоящее и будущее и касается вызовов, связанных с постгероической культурой памяти. На сегодняшний день мы слышим мнения из-за рубежа, крайне положительно отзывающиеся о культуре памяти в Германии, выделяя при этом уделение центрального внимания жертве, постгероические характеристики, а также связанный с этим критический подход к рассмотрению собственной истории. Однако в Германии в последнее время все чаще слышны критические мнения, выражающие определенное недовольство сложившейся ситуацией. Новым в данном случае является то, что такая критика высказывается лицами, в той или иной форме активно участвующими в оформлении и

осуществлении культуры памяти. Они не являются фундаментальными критиками, которые существовали всегда и которые принципиально отвергают самокритичный подход в обращении с нашим непростым прошлым. В числе прочего, объектом критики является тот факт, что культура памяти в Германии застыла в развитии, занимается исключительно репродукцией и ритуализацией знакомых образов и таким образом потеряла свою способность пробуждать людей. Говорится и о памяти, погрязшей в банальности, в которой немцы устроились с большим комфортом и которая только помогает им утвердиться в идее, что они лучше всех.

Обоснованы ли такая критика и подобные опасения? Возможно – но только в том случае, если мы решим, что нашего самолюбования вполне достаточно и не будем замечать, что сегодня появились новые, транснациональные пространства памяти и критического рассмотрения вопросов истории. Долгие годы культура памяти в каждой из наших стран была делом национального масштаба, но изменяющиеся политические и общественные условия позволяют нам вступить в транснациональный диалог о вопросах трактовки прошлого. И этот диалог не успел остановиться в развитии – он только начинается, в особенности, это касается диалога между Западной и Восточной Европой. Мы еще слишком мало знаем друг о друге, нам надо быть готовыми к тому, чтобы вначале поделиться друг с другом нашими разными, многосторонними, нередко конкурирующими, противоречивыми и антагонистскими воспоминаниями о жестокой истории XX столетия и многочисленными переживаниями, связанными с ними. Несколько последующих дней дают нам хорошую возможность сделать это. Поэтому хотелось бы пожелать вам интересного и успешного старта тематического года в германо-российском молодежном обмене.